

УДК 32.001

НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО КАК СТУПЕНЬ В РАЗВИТИИ КАПИТАЛИЗМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.И. ЛЕНИНА И ДИСКУССИЯХ МАРКСИСТОВ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ

Сургуладзе Вахтанг Шотович,

канд. филос. наук, ведущий методолог компании «Р.О.С.Т.У.» по стратегическому планированию,
Москва, Россия
bafing@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды авторов-марксистов на национальный вопрос. Анализируются противоречия в марксистской среде, связанные с пониманием особенностей развития национального самосознания – подходы В.И. Ленина, Р. Люксембург и других деятелей к рассмотрению национального вопроса и их реализация на практике. Делается вывод о том, что теоретически обоснованный интернационализм не привел к пролетарской глобализации, а сами попытки применения положений экономического детерминизма к вопросам национального самосознания оказались методологически недостаточно обоснованными – инструментарий узкой экономически детерминированной социологии К. Маркса не мог верно оценить значения культурного фактора и ценностных основ развития общественного сознания в становлении национализма. Доказательством тому, насколько искусственным и идеалистическим, необоснованно оптимистичным был марксизм в вопросе о перспективах классовой солидарности мирового пролетариата стал факт появления мощной волны правых, националистических и фашистских движений, захлестнувших Европу после Первой мировой войны. Фашизм оказался мощной национальной реакцией на интернациональные устремления последователей учения Маркса. Однако, несмотря на неоправдавшиеся ожидания и неверное социальное прогнозирование последователей Маркса, важно отметить соответствующие действительности выявленные марксистами закономерности корреляции между уровнем экономического развития и ростом национального самосознания.

Ключевые слова: идеология; национальное самосознание; национальная идентичность; право наций на самоопределение; национализм; интернационализм; капитализм; экономический детерминизм; классовая солидарность.

NATION-STATE AS A STAGE OF CAPITALISM DEVELOPMENT IN THE WORKS OF V. I. LENIN AND THE DISCUSSIONS OF THE MARXISTS ON THE NATIONAL QUESTION

Surguladze V. Sh.,

PhD in philosophical science, “R.O.S.T.U.” company leading strategic planning methodologist, Moscow, Russia
bafing@mail.ru

Abstract. The article discusses the Marxists' views on the national question and analyses the contradictions in the Marxist environment associated with the understanding of the development of national consciousness – V.I. Lenin, R. Luxemburg, and other leaders' approaches to consider the national question and implementation of their views in practice. The author concludes that theoretically reasonable internationalism did not lead to proletarian globalization, and the attempt of application of the provisions of economic determinism to issues of national identity were methodologically insufficiently substantiated tools – narrow economically determined sociology of Karl Marx could not correctly assess the importance of cultural factors and value bases of development of social consciousness in the formation of nationalism. One of the proofs of artificial, idealistic and optimistic Marxists' views on the question about the prospects of class solidarity-of the world proletariat is the fact of emergence

of a powerful wave of right-wing, nationalist and fascist movements that swept Europe after the First world war. Fascism was a powerful national reaction on the international aspirations of the followers of Marx. However, in spite of unmet expectations and the wrong social prognosis of Marx followers it is important to note the relevant fact, identified by Marxists – the existence of connection between the level of economic development and the growth of national consciousness.

Keywords: *ideology; national consciousness; national identity; right of Nations to self-determination; nationalism; internationalism; capitalism; economic determinism; class solidarity.*

Марксизм традиционно связывал победу капитализма над феодализмом с национальными движениями. В статье 1914 г. «О праве наций на самоопределение» Ленин писал: «Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем.

Образование *национальных государств*, на более удовлетворяющих этим требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) всякого национального движения. Самые глубокие экономические факторы толкают к этому, и для всей Западной Европы — более того: для всего цивилизованного мира — *типичным*, нормальным для капиталистического периода является поэтому национальное государство» [1, с. 258–259].

Самоопределение наций в данном контексте рассматривалось как неизбежное следствие развития капитализма. Ленин считал неоспоримым, что «капитализм, разбудив Азию, вызвал и там повсюду национальные движения, что тенденцией этих движений является создание национальных государств в Азии, что наилучшие условия развития капитализма обеспечивают именно такие государства» [1, с. 262].

Действительно, весь ход социально-политической истории XIX столетия демонстрировал неминуюмость образования национальных государств точно так же, как и развитие капитализма, который постепенно втягивал в орбиту своего влияния отсталые государства. С отмиранием феодальной элиты и аристократии центробежными тенденциями в таких империях, как Османская и Австро-Венгерская, слабость которых накануне Первой мировой войны была особенно очевидна, развитие капиталистических отношений и национализма действительно шли рука об руку. В этом Ленин был совершенно убежден, как и Каутский. Ленин писал: «Национальное государство есть правило и „норма“ капитализма, пестрое в национальном отношении государство — отсталость или исключение. С точки зрения национальных отношений, наилучшие условия для развития капитализма представляет, несомненно, национальное государство» [1, с. 263].

В 1914 г. расчленение империй на национальные государства рассматривалось марксистами желательным, с точки зрения скорейшего перехода к капитализму, как неизбежная ступень на пути к построению социализма и коммунизма. Споря с Розой Люксембург, Ленин горячо отстаивал пункт о праве наций на самоопределение в программе российских марксистов.

Целесообразность права наций на самоопределение рассматривалась в каждом конкретном случае отдельно, в зависимости от того, соответствовало ли это классовым интересам мирового пролетариата или нет. Буржуазный национализм оценивался как временно полезный на пути формирования интернациональных устремлений, которые, в соответствии с марксистской доктриной, должны были иметь представители мирового пролетариата.

Роль элиты, имущих и образованных классов общества в становлении национального самосознания была несомненна. «Буржуазия... естественно выступает в начале всякого национального движения гегемоном (руководителем)

его» [1, с. 273]. В то же самое время, рассматривая национализм западной периферии Российской империи, Ленин противопоставлял буржуазному национализму Польши не менее буржуазный, но более феодальный национализм великорусов, который считал намного более опасным тормозом демократии и пролетарской борьбы. Более прогрессивные формы экономического развития общества должны были победить формы отсталые, но при наблюдении за этой борьбой пролетариату надо было зорко следить за происходящим и всегда помнить о конечных целях своего класса.

Дробление империй на независимые национальные государства должно было содействовать уничтожению последних пережитков феодальной эпохи и укреплению капитализма, который затем, в соответствии с марксистской теорией, должен был погрязнуть в собственных противоречиях и привести к торжеству интернационального пролетариата, объединенного общим чувством классовой наднациональной солидарности.

«Такое положение вещей, — писал Ленин, — ставит пролетариату России двоякую или, вернее, двустороннюю задачу: борьбу со всяким национализмом и в первую голову с национализмом великорусским; признание не только полного равноправия всех наций вообще, но и равноправия в отношении государственного строительства, т.е. права наций на самоопределение, на отделение; — а наряду с этим, и именно в интересах успешной борьбы со всяческим национализмом всех наций, отстаивание единства пролетарской борьбы и пролетарских организаций, теснейшего слияния их в интернациональную общность, вопреки буржуазным стремлениям к национальной обособленности» [1, с. 319].

В определенном смысле воплощение подобной задачи представляло собой попытку «усидеть на двух стульях» — национализме, перечить которому с точки зрения популярности в массах было убийственно, и интернационализме, который являлся основой всего глобального по масштабам марксистского проекта солидарности мирового пролетариата и построения в перспективе глобального коммунистического общества.

Эта теоретическая утопия предполагала отделение в рамках осуществления права наций на самоопределение, а затем обратное слияние в единое общество. То есть народы должны были променять веками складывавшуюся и кровью завоевывавшуюся культурно-историческую са-

мобытность принадлежности к нации на экономизм классовой принадлежности к пролетариату — утопическая перспектива по возможности добровольного отделения, а затем сплочения, основанного на сугубо *рациональном* представлении о том, что *теоретически* существует классовая солидарность трудящихся всего мира, которая способна преодолеть любые культурно-исторические отличия и противоречия. Эта апелляция марксизма к мировому пролетариату и убежденность в неизбежности исторического процесса его сплочения может быть названа предтечей рассмотрения мира в целом и глобализации.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ НА ПРАКТИКЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРОЛЕТАРСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

С самого начала развития концепций рабочего интернационала, справедливости и равенства для всех, вне зависимости от национальной принадлежности, возникала масса «национальных» сложностей. На уровне рациональных теоретических положений многие были готовы согласиться на равенство, однако на практике, в реальности исторических, культурных и экономических противоречий, отказаться от своих интересов было совсем нелегко. Логически стройные теории разбивались о практику жизни.

Даже выдающиеся деятели революционного движения, выступавшие за строительство нового мира, оказывались не в состоянии преодолеть национальные пристрастия. Например, друг польской независимости Михаил Бакунин от соприкосновения с поляками ощутил в себе пробуждение национального чувства [2]. Люди, сближавшиеся по идейным, идеологическим соображениям общего порядка, сталкиваясь с вопросами, затрагивавшими национальность, оказывались ярыми врагами.

В Российской империи задача марксистов выглядела двояко. С одной стороны, нужно было расшатать империю как «тюрьму народов», провозглашая право наций на самоопределение и разжигая межнациональную рознь. С другой стороны, нужно было поддерживать чувство классовой солидарности и интернационализма среди пролетариата всех стран. Это была сложная, противоречивая и далеко не всеми одинаково понимаемая задача. Цели были ясны, но пути их достижения вызвали яростные споры.

Некоторые марксисты (например, Роза Люксембург) резонно полагали, что никакого смы-

сла поддерживать право наций на самоопределение нет, так как национализм буржуазен по своей природе и укрепляет силу высших классов. Кроме того, они вполне здраво полагали, что дробление обширных империй на множество национальных государств приведет к тому, что пролетариат этих государств закоснеет в своем национализме и предпосылок для победы мирового пролетариата больше не будет в силу того, что сам пролетариат не будет мировым, не будет интернациональным, замкнувшись в границах своих национальных государств и интересов.

Учитывая сложность примирения права наций на самоопределение и интернациональной классовой сущности марксизма с его стремлением к мировой революции, широкой известностью пользовалась альтернативная концепция национального самоопределения. Австрийские социал-демократы Карл Реннер и Отто Бауэр предложили ограничиться культурным самоопределением, культурно-национальной (или экстерриториальной) автономией, которая позволяла бы политически сохранять имперские государства в их многонациональном составе, удовлетворяя право всех народов империи на свой язык и культуру, без отделения и политической независимости. Разграничение наций в таком случае должно было ограничиваться областью школьного образования и возможностью граждан свободно выбирать национальную принадлежность исходя из собственного желания [3, с. 313].

Нация, по Бауэру, отрывалась от занимаемой территории. «Все нации, — писал Бауэр, — где бы они ни жили, всегда составляли бы корпорации, самостоятельно заведующие своими национальными делами. В одном и том же городе жили бы рядом, друг другу не мешая, две или несколько наций, которые спокойно развивали бы формы своего национального самоуправления, строили бы свои образовательные учреждения...» [4].

Концепция Бауэра нашла отражение в его известной в начале XX в. и широко цитировавшейся Каутским, Лениным, Сталиным и другими работе «Национальный вопрос и социал-демократия». Культурное самоопределение взамен самоопределению политическому, которое предлагал Бауэр, было порождением австромарксизма, пытавшегося примирить марксизм с социально-политическими реалиями Австро-Венгерской империи начала XX столетия. Это было смягчением марксизма, попыткой приспособления учения Макса к текущим политическим

условиям. Русские марксисты отвергли этот путь как оппортунистическое отступление от догмы. Раздавались справедливые голоса о том, что применение концепции экстерриториальной автономии на практике привело бы к увековечиванию шовинизма и обострению межнациональных противоречий [3, с. 314].

ПРОБЛЕМА ПРИМЕНЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДЕТЕРМИНИЗМА К ВОПРОСАМ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Ленин отмечал, что неравномерное экономическое развитие порождает сепаратизм наиболее развитых областей. Опираясь на марксистский экономический детерминизм, лидер российских коммунистов иллюстрировал это явление примером входившей в состав Российской империи Польши, которая как «современно-капиталистическая» область пыталась порвать связи с «азиатско-деспотическим» Российским государством. При этом фактор культурных и исторических противоречий, которые существовали бы и без «современно-капиталистических» особенностей развития Польши по сравнению с остальной империей [1, с. 266–267] традиционно по-марксистски игнорировался как малозначительный.

В то же самое время во внимание принималось значение экономических связей, которые при прочих равных условиях предохраняют многонациональное государство от распада: «Массы населения превосходно знают, по повседневному опыту, значение географических и экономических связей, преимущества крупного рынка и крупного государства, и на отделение они поймут лишь тогда, когда национальный гнет и национальные трения делают совместную жизнь совершенно невыносимой, тормозят все и всяческие хозяйственные отношения. А в подобном случае интересы капиталистического развития и свободы классовой борьбы будут именно на стороне отделяющихся» [1, с. 287].

В целом Ленин считал, что ход эволюции общества неизбежно предрекал повсеместное развитие капитализма, и по большому счету было не столь важно, в какой форме — в рамках национального или пестрого многонационального государства развивается капитализм. В любом случае рабочие всех государств рассматривались в качестве эксплуатируемых, а буржуазия оценивалась как класс эксплуататоров. Предполагалось,

что буржуазия как ведущая сила национального обособления ведет за собой рабочих, несмотря на кардинальные противоречия их классовых интересов. Буржуазия соперничающих государств ставит друг с другом, расшатывая классовую солидарность между рабочими разных стран.

Чтобы предотвратить обострение этой борьбы, избежать распада классовой солидарности из-за национальных противоречий, каждая нация должна была обрести право на самоопределение. По мысли Ленина, можно было потерять многонациональное государство, но сохранить солидарность между рабочими новых национальных государств с перспективой мировой революции в будущем.

Между тем, повседневная жизнь постоянно представляла примеры утопичности веры в интернациональную классовую солидарность пролетариата. В частности, такой жизненный пример нестойкости интернациональных классовых убеждений приводил Карл Маркс в письме Фридриху Энгельсу от 5 июля 1870 г., сравнивая русского социалиста Лопатина с английскими чартистами. И в том и в другом случае национальный патриотизм оказывался сильнее классовой солидарности. Когда дело касалось Польши в разговоре с русским социалистом или Ирландии — в разговоре с социалистом английским признак национализма возникал в ту же секунду [5]. Подобные примеры встречались постоянно. Великодержавный патриотизм, а иногда и шовинизм оказывался фактором, который постоянно приходил в противоречие с интернациональной доктриной. Пролетарии колониальных держав не хотели видеть и не видели своих обязательств по отношению к поработленным нациям [1, с. 300].

Судя по переписке Маркса, он чувствовал это противоречие, но не делал окончательного вывода, предлагая английским рабочим отказаться от Ирландии себе во благо [6]. Предполагалось, что предоставив свободу Ирландии, английский пролетариат смог бы осуществить классовый союз с ее пролетариатом. Такие взгляды были чистейшим идеализмом, прикрывавшимся социально-экономическими обоснованиями и слишком сложными рациональными доводами, которые было невозможно внедрить в массовое сознание, а значит, и реализовать на практике.

В этой связи можно сказать, что в марксизме доводы долженствования превалировали над доводами реальной политики. Маркс, а вслед

за ним и Ленин, провозглашали невозможность освобождения пролетариата-поработителя до тех пор, пока он не освободит поработленных [1, с. 305, 317], однако такой подход разбивался о факты жизни.

На практике пролетариат метрополий, как и возглавлявшая его буржуазия, получал выгоду от имперской политики, причем из рук этой самой буржуазии. Социально-экономическое положение рабочих Англии и Франции улучшалось за счет эксплуатации рабочих колоний. И в этом отношении фактически у них не могло быть никакой интернациональной взаимности. Этого факта марксисты не замечали или не хотели замечать. Явление было слишком многофакторным, комплексным и сложным, чтобы в водовороте событий и, учитывая силу обаяния марксистских идей, отказаться от претворения их в жизнь.

На практике интернациональный догматический марксизм мог быть *частью сознания*, политическим убеждением, но *в подсознании* всегда находились столетиями складывавшиеся предубеждения, симпатии и антипатии, сформированные социальной памятью общества, в котором человек воспитывался и жил. Именно подсознание никогда не учитывал марксизм в своих политических построениях, именно подсознание и коллективная память приносили самые неожиданные реакции на претворение учения Маркса в жизнь.

Узкая экономически детерминированная социология Маркса оказалась субъективной и не вмещающей в себя проблемы культурного развития и национализма из-за того, что Маркс сам не чувствовал и не ценил исторических корней, сам, будучи космополитом, перенес это сугубо индивидуальное, субъективное свойство своей личности на теорию общественного развития в целом. Примечательно в этой связи, что в «Манифесте коммунистической партии» нет ни слова о родине пролетария.

В результате недооценки марксистами культурного фактора в истории и политике, а также переоценки ими экономического детерминизма национальный вопрос был низведен до уровня идеологической химеры, орудия в руках противостоящей и закабаляющей пролетариат буржуазии, якобы никчемной не подтвержденной реальными интересами масс выдумки. То, что значительная часть человеческой жизни состоит из таких «выдумок» во внимание не

принималось. В этом отношении марксизм оказался чрезвычайно умозрительным, негибким и догматичным, а вот буржуазный император Наполеон, напротив, оказался прагматиком, который хорошо понимал, что все счастье человека заключено в его иллюзиях и мастерски этим пользовался [7–10].

Проблемы коллективной психологии, ее принципиальной извечной *субъективности* заменялись в марксизме материалистическим и рациональным, формально-логическим представлением о решающей роли экономических, производственных и научных факторов коллективного мировоззрения. Механические законы переносились в органическую жизнь общества и коллективной психологии.

Марксизм оказывался интернационален ровно настолько, насколько интернациональными были его вожди. Интернационален был Маркс, интернационален был Ленин, интернациональными могли быть делегаты различных и многочисленных партийных съездов — люди, жившие теорией, изучением Маркса и экономически детерминированных концепций, общавшиеся с такими же, как они сами, единомышленниками из других стран. Они знали иностранные языки, но часто были оторваны от народных масс, о которых столько говорили. Судя по всему, именно в силу этих особенностей фактор культуры, истории, устоявшихся мнений учитывался мало или не учитывался совсем. В случае же русских марксистов особенно важным фактором влияния, облегчавшим для них исповедание марксизма, были особенности социальной психологии российской интеллигенции — весьма критичной, непатриотичной, космополитически настроенной, такой, каковой она предстала в статьях авторов сборника «Вехи» [11].

В теории должен был торжествовать интернационализм, но на практике национально-государственный патриотизм всегда переве-

шивал, поменять на протяжении поколений складывавшееся мировоззрение масс оказалось невозможно. Доказательством того, насколько идеалистическим, кабинетным, искусственно созданным и слишком оптимистичным и самоуверенным был марксизм в вопросе о перспективах классовой солидарности мирового пролетариата, является факт появления мощной волны правых, националистических и фашистских движений, захлестнувших Европу после Первой мировой войны [12, 13]. Фашизм оказался мощной национальной реакцией на интернациональные устремления последователей Маркса [14, 15].

После социалистической революции в России российские коммунисты пытались абсолютизировать свой собственный революционный опыт в общемировых масштабах, хотя уже накануне Первой мировой войны начались острые споры вокруг двух тенденций в подходе к построению социализма, тактическим и стратегическим целям — *социально-революционной и демократически-реформистской*. Западным путем оказался второй, российским — первый.

Впоследствии стало ясно, что делать ставку на интернационализм наивно. Если Ленин постоянно подчеркивал наличие в России «яда» великорусского национализма, отравляющего собою всю общероссийскую политическую атмосферу [1, с. 317], то Сталин осознанно вернулся к этому «яду», пестуя державный, во многом именно порусски окрашенный гражданский национализм [16]. И с психологической точки зрения иначе и не могло быть. Логика жизни подталкивала к созиданию многонационального государства на мощном историческом фундаменте российской государственности. Это было логично и реалистично. Противоположной альтернативой был распад государства или авантюристическая политика экспансии вовне. И в этом отношении сталинизм был скорее практикой, чем теорией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В.И. О праве наций на самоопределение. Полное собрание сочинений. В 58 т. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1967–1975. Т. 25.
2. Бакунин М. Исповедь. СПб.: Азбука-классика, 2010. С. 40.
3. Ленин В.И. К истории национальной программы в Австрии и в России // Полное собрание сочинений. В 58 т. 5-е изд. Т. 24. С. 313.
4. Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. СПб.: Серп, 1909. С. 368.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. В 49 т. М.: Издательство политической литературы, 1955–1973. Т. 32. С. 430.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Маркс — Энгельсу. 10 декабря 1869. Сочинения. 2-е изд. Т. 32. С. 337–338.

7. Грицанов А.А. Идеология // Новейший философский словарь. Мн.: Издательство В.М. Скакун, 1998. С. 256.
8. Бонапарт Н. Максимумы и мысли узника Святой Елены. Рукопись, найденная в бумагах Лас Каза. СПб.: Азбука, 2000. LXXVIII. С. 50.
9. Тарле Е.В. Наполеон. Мн.: Беларусь, 1992. С. 12, 118.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство. Сочинения. 2-е изд. В 49 т. М.: Издательство политической литературы, 1955–1973. Т. 2. С. 137.
11. Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М.: Грифон, 2007.
12. Сургуладзе В.Ш. «Государство создает нацию»: Идеология и практика итальянского фашизма // Вопросы национализма. 2016. № 1 (25). С. 104–141.
13. Сургуладзе В.Ш. Путь франкистской Испании: от фашистской диктатуры к конституционной монархии // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 5 (38). С. 244–248.
14. Устрялов Н.В. Германия. В круговороте фашистской свастики. М.: Алгоритм, 2012.
15. Устрялов Н.В. Италия — колыбель фашизма. М.: Алгоритм, 2012.
16. Сургуладзе В.Ш. Грани российского самосознания. Империя, национальное сознание, мессианизм и византизм России. 2-е изд., испр. и доп. М.: W. Bafing, 2010.

REFERENCE

1. Lenin V.I. About the right of the nations for self-determination [O prave nacij na samoopredelenie]. Polnoe sobranie sochinenij. V 58 t. 5-e izd. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1967–1975, vol. 25, pp. 258–259 (in Russian).
2. Bakunin M. Confession [Ispoved']. St. Petersburg, Azbuka-klassika, 2010, p. 40 (in Russian).
3. Lenin V.I. To history of the national program in Austria and in Russia [K istorii nacional'noj programmy v Avstrii i v Rossii]. Polnoe sobranie sochinenij. V 58 t. 5-e izd. Vol. 24. P. 313 (in Russian).
4. Bauer O. Ethnic question and social democracy [Nacional'nyj vopros i social-demokratiya]. St. Petersburg, Serp, 1909, p. 368 (in Russian).
5. Marks K., EHngel's F. Compositions [Sochineniya]. 2-e izd. V 49 t. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1955–1973. Vol. 32. P. 430 (in Russian).
6. Marks K., EHngel's F. Marx — to Engels. On December 10, 1869 [Marks — Engel'su. 10 dekabrya 1869]. Sochineniya. 2-e izd. Vol. 32. P. 337–338 (in Russian).
7. Gricanov A.A. Ideology [Ideologiya] // Novejshij filosofskij slovar'. Minsk: Izdatel'stvo V.M. Skakun, 1998, p. 256 (in Russian).
8. Bonapart N. Maxims and thoughts of the prisoner of Saint Elena. The manuscript found in papers Las Kaza [Maksimy i mysli uznika Svyatoj Eleny. Rukopis', najdennaya v bumagah Las Kaza]. St. Petersburg, Azbuka, 2000. LXXVIII, p. 50 (in Russian).
9. Tarle E.V. Napoleon [Napoleon]. Minsk, Belarus', 1992, pp. 12, 118 (in Russian).
10. Marks K., Engels F. A holy family [Svyatoy semejstvo]. Sochineniya. 2-e izd. V 49 t. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1955–1973. Vol. 2. P. 137 (in Russian).
11. Milestones. Collection of articles about Russian intelligentsia [Vekhi. Sbornik statej o russkoj intelligencii]. Moscow, Grifon, 2007 (in Russian).
12. Surguladze V. Sh. "The state creates the nation": Ideology and practice of the Italian fascism [«Gosudarstvo sozdayot naciyu»: Ideologiya i praktika ita-l'yanskogo fashizma]. Voprosy nacionalizma — Nationalism Questions, 2016, no. 1 (25), pp. 104–141 (in Russian).
13. Surguladze V. Sh. Way of Franco Spain: from fascist dictatorship by constitutional monarchy [Put' frankistskoj Ispanii: ot fashistskoj diktatury k konstitucionnoj monarhii]. Problemy nacional'noj strategii — Problem of national strategy, 2016, no. 5 (38), pp. 244–248 (in Russian).
14. Ustryalov N.V. In circulation of a fascist swastika [Germaniya. V krugovorote fashistskoj svastiki]. Moscow, Algoritm, 2012 (in Russian).
15. Ustryalov N.V. Italy — a fascism cradle [Italiya — kolybel' fashizma]. Moscow, Algoritm, 2012 (in Russian).
16. Surguladze V. Sh. Sides of the Russian consciousness. Empire, national consciousness, Messianism and vizantizm of Russia [Grani rossijskogo samosoznaniya. Imperiya, nacional'noe soznanie, messianizm i vizantizm Rossii]. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow, W. Bafing, 2010 (in Russian).